

Хроника академической жизни. Литературный вечер в память Н. В. Гоголя в Московской Духовной Академии 23 апреля 1909 г.: [Беляев М. В. Гоголь и Белинский; Голованенко С. А. Тени Гоголя: Стихотворение; Горский А. К. О страшном у Гоголя; Сперанский А. А. Приветствие Обществу любителей российской словесности от студентов Московской Духовной Академии по случаю открытия памятника Гоголю] // Богословский вестник 1909. Т. 2. № 5. С. 111–137 (3-я пагин.).

ХРОНИКА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Литературный вечер въ память Н. В. Гоголя.

23-го апрѣля въ Московской Духовной Академіи состоялся литературный вечеръ въ память Н. В. Гоголя, устроенный Студенческимъ Литературнымъ Кружкомъ по случаю открытія ему памятника въ Москвѣ и столѣтней годовщины со дня его рожденія. Кромѣ студентовъ Академіи на вечерѣ присутствовали: Преосвященный Ректоръ Епископъ Евдокимъ, нѣкоторые профессора съ семействами и приглашенные гости. Въ программу вечера вошли доклады, рѣчи и стихотворенія, посвященныя Гоголю, а также чтеніе отрывковъ изъ его произведеній. Подробности программы состоятъ въ слѣдующемъ: 1) вступительное слово руководителя Литературнаго Кружка—академическаго преподавателя по исторіи русской литературы—на тему „О драмѣ Гоголя“; 2) докладъ студ. А. К. Горскаго „О страшномъ у Гоголя“; 3) чтеніе студ. Д. Г. Яхонтовымъ „Повѣсти капитана Копѣйкина“; 4) рѣчь студ. В. А. Ильинскаго на тему: „Характеристика Тараса Бульбы“; 5) стихотвореніе студ. Θ. С. Рязановскаго, посвященное Гоголю; 6) чтеніе студентами А. И. Паріемъ и Д. Г. Яхонтовымъ „Тяжбы“ Гоголя; 7) докладъ студ. М. В. Бѣляева на тему: „Гоголь и Бѣлинскій“; 8) докладъ студ. Θ. В. Ефимова на тему: „Гоголь и Чеховъ“; 9) два стихотворенія въ память Гоголя—студ. С. А. Голованенко; 10) докладъ студ. І. В. Корнѣевича: „Гоголь, какъ писатель-гражданинъ“; 11) рѣчь студ. Н. П. Кудрявцева на тему: „Поучительная для пастыря страница изъ біографіи и посмертной судьбы произведеній Гоголя“; 12) чтеніе Привѣтствія Обществу Любителей Россійской Словесности отъ студентовъ Академіи, составленнаго студ. А. А. Сперанскимъ. Въ заключеніе нѣсколько теплыхъ словъ посвятилъ памяти Гоголя Преосвященный

Ректоръ, по предложенію котораго вечеръ закончился вдохновеннымъ пѣніемъ „вѣчной памяти“ великому русскому писателю.

Вслѣдствіе обширности программы, всѣ доклады, рѣчи, сообщенія и стихотворенія, за недостаткомъ мѣста, не могутъ быть напечатаны цѣликомъ. Печатаются лишь нѣкоторыя изъ нихъ.

I.

Вступительное слово руководителя Литературнаго Кружка ¹⁾.

Черезъ два дня въ Москвѣ, среди торжественной обстановки, снимется съ новаго памятника покрывало, и передъ многотысячной толпой предстанетъ увѣковѣченной въ грандіозномъ изваяніи немеркнущая слава могучаго русскаго гения. Не только вся мыслящая Россія, въ лицѣ своихъ представителей, но даже многіе просвѣщеннѣйшіе представители Европы принесутъ къ подножію памятника дань своего горячаго преклоненія передъ бессмертнымъ образомъ Гоголя. Торжественное открытіе памятника, совпадающее съ столѣтней годовщиной со дня рожденія великаго писателя, не только обновляетъ въ памяти всей Россіи этотъ образъ, но и несомнѣнно вырастаетъ въ великій національный праздникъ. Смыслъ этого праздника всѣмъ понятенъ, потому что всѣми нами переживается. Вѣдь тотъ, чей привлекательный обликъ теперь прорѣзывается сквозь угрюмую даль отдѣляющихъ насъ отъ него годовъ, это писатель не теоретически только нами оцѣниваемый, какъ родоначальникъ новѣйшаго періода русской литературы. Нѣтъ, онъ непосредственно намъ близокъ своимъ художественнымъ творчествомъ, своимъ заразительнымъ смѣхомъ, своими захватывающими описаніями и повѣстями. Его дорогое лицо съ тонкимъ и характерно опущеннымъ носомъ, съ свѣсившеюся скобкою волосъ, съ пронизательными глазами взглянуло на всѣхъ насъ еще въ дѣтствѣ, въ самомъ началѣ нашего развитія, со страницъ нашихъ школьныхъ хрестоматій и учебниковъ. Оно показало намъ вслѣдъ за курчавой головой другаго поэта, и уже никогда нами не можетъ быть забыто, какъ не могутъ быть забыты Чичиковъ, Ноздревъ, Собакевичъ, Хлестаковъ, Та-

¹⁾ Печатается съ сокращеніями.

рась, потому что они незамѣтно въ обиходъ нашего языка обратились въ клички, какъ не могутъ улетучиться изъ души тѣ ощущенія гоголевскаго смѣшного, страшнаго, грустнаго, которыя незамѣтно слились съ нашимъ жизненнымъ опытомъ... Оцѣниваемый съ *эстетической* точки зрѣнія, Гоголь является великимъ самобытнымъ художникомъ, въ чарующихъ созданіяхъ котораго звучитъ неумолкающій голосъ истины. *Нравственный* критерій показываетъ, какъ тѣсно срослось его обличительное слово съ нѣжнымъ состраданіемъ къ униженному и оскорбленному достоинству человѣческой личности. Съ точки зрѣнія *психологической*, онъ необычайный мастеръ съ пророческимъ ясновидѣніемъ проникать въ живую человѣческую душу и постигать всѣ ея изгибы. Съ точки зрѣнія *національной*, онъ носитель великой національной скорби, съ своимъ горькимъ смѣхомъ оплакавшій печальную правду русской жизни. Съ точки зрѣнія *религіозной*, онъ вдохновенный искатель Бога, мученикъ, сложившій въ глубокихъ страданіяхъ у подножія креста не только свою протестующую стихію духа, но даже и свою пророческую прозорливость художника. Съ точки зрѣнія *исторической*, все его художественное творчество—это краеугольный камень самобытной русской литературы. Корни его творчества глубоко вросли въ романтическую почву, но своей реалистической вершиной оно возвышается еще и надъ нами.

Преклоняясь предъ всею полнотой этого многограннаго русскаго генія, Студенческій Литературный Кружокъ хочетъ въ настоящій день какъ бы со всѣхъ сторонъ любовно окружить его, прислониться къ нему мыслями и чувствами, со всѣхъ, или по крайней мѣрѣ съ нѣсколькихъ, сторонъ взглянуть въ него, чтобы дать болѣе ясный, болѣе сознательный отчетъ себѣ и другимъ въ той массѣ свѣта, которая исходитъ отъ генія и проникаетъ во всякую открытую и ищущую свѣта душу.

Мнѣ, въ свою очередь, хотѣлось бы приблизиться къ той сторонѣ его жизни и творчества, которая кажется наиболѣе загадочной и даже страшнѣйшей и потому всего болѣе къ себѣ притягивающей. Я разумѣю страшную драму Гоголя. Драма эта по глубинѣ и значенію своему представляетъ собою одну изъ самыхъ замѣчательныхъ страницъ, какія только знаетъ исторія человѣческихъ страданій. Требуется нѣкоторое усиліе

воли, чтобы, говоря о ней, настроить себя на праздничный ладъ... Гоголь-мыслитель хотѣлъ убить Гоголя - художника. Писатель, создавшій необычайныя произведенія, посвятилъ цѣлую полосу своей жизни борьбѣ съ собственными произведеніями. Человѣкъ, отъ котораго пошла вся новѣйшая литература русскаго народа, отрекся отъ себя и вступилъ въ борьбу съ собственнымъ гениемъ, пока не умеръ обезсиленный этой борьбой.

Существуетъ цѣлый рядъ научныхъ объясненій драмы Гоголя. Не только историкъ литературы, но и моралистъ, медикъ, психологъ находятъ себѣ обильную жатву въ судьбѣ его. Наиболѣе распространенное изъ объясненій проводить его самого и его сочиненія сквозь призму психіатріи и сводить драму его къ причинамъ патологическаго свойства. Но эта точка зрѣнія не можетъ обманываться абсолютной значительностью своихъ показаній и не должна поглощать прямого глубокаго смысла исканій больной души. Если, дѣйствительно, въ психо-физической организаціи Гоголя было предрасположеніе къ его печальному концу, то оно послужило только той средой, м. б., благоприятной средой, въ которой развивалась внутренняя драма, черезъ которую раскрылись высшія искомыя цѣнности. Клиническая точка зрѣнія указываетъ только почву, на которой создалась душевная неуравновѣшенность, но она не опредѣляетъ ни формъ, ни содержанія драмы. Несомнѣнно даже, что драма Гоголя въ зачаткахъ своихъ опередила его болѣзнь. Вѣдь онъ пронесъ свою тоску черезъ многіе годы скитаній своихъ, и „незримыя міру слезы“ душили его грудь и въ эпоху полнаго расцвѣта его „видимаго смѣха“, когда еще не было и помина о болѣзни.

Накопившійся біографическій матеріалъ, разсматриваемый въ связи съ произведеніями Гоголя, даетъ, кажется, неоспоримое право утверждать, что трагизмъ лежалъ столько же въ необычайно оригинальной психической организаціи его, сколько и въ окружающей жизни. Къ нему можно примѣнить слова стараго французскаго поэта: „его духъ былъ ареной междоусобной войны“. Въ немъ вѣчно боролись и не могли слиться противоположныя стихіи наслѣдственности, коренныхъ чертъ украинскаго національнаго склада: смѣхъ и слезы, тонкая сатирическая наблюдательность и повышен-

ная патетическая настроенность. Его неуравновѣшенное настроеніе съ дѣтства колебалось отъ безудержнаго веселья къ грусти, отъ безудержнаго смѣха къ горячимъ слезамъ, полнымъ задушевной тоски и скорби. Если теперь эту основную черту его психики, неуравновѣшенность душевнаго настроенія, перенести на манеру *отношенія* его къ окружающей жизни, то намъ станетъ ясно, какихъ размѣровъ должна была достигнуть междоусобная борьба его духа.

Тонкая сатирическая наблюдательность постоянно изощрялась въ изображеніи живой жизни. Гоголя такъ и называютъ обыкновенно отцомъ русскаго реализма. Дѣйствительно, каждая страница его сочиненій поражаетъ способностью автора не только *правдоподобно*, но и *наглядно* передавать жизнь. Онъ наблюдаетъ ее не только съ сатирической чуткостью, но и съ страстной, я бы сказалъ *хищной*, зоркостью. Онъ постоянно собираетъ слова, пѣсни, обычаи, анекдоты, описанія костюмовъ, записываетъ термины отъ охотничьихъ до кулинарныхъ включительно. Самые сюжеты его повѣствованій почти всѣ взяты изъ реальной жизни или изъ народныхъ сказаній. Рисунки Гоголя по своему реализму прямо замѣчательны. Дѣйствительность въ самыхъ мимолетныхъ изъ нея отгѣнковъ онъ передавалъ съ необычайной чуткостью: поля, тихій городъ съ каланчей и церковью, классическая запряжка Чичикова, его Селифанъ, чубарый, бричка съ двумя калачами, засунутыми въ ея кожаный карманъ, колесо, которое до Москвы доѣдетъ, а до Казани не доѣдетъ,— такъ же жизненны подъ его магическимъ перомъ, какъ и самые совершенные изъ его типовъ. Неумолимый въ своемъ смѣхѣ, онъ всѣ, самые сокровенные уголки жизни—живые и вещественные,—нащупываетъ лучами смѣха, все забираетъ въ сферу своего наблюденія, не щадя даже застѣнчивости Акакія Акакіевича...

До какой степени живо, проникновенно, съ критической прозорливостью, при помощи своего смѣха, онъ могъ входить въ душевное настроеніе людей, это обнаружилось въ біографическихъ подробностяхъ его дѣтства. Въ нѣжинской гимназій онъ однажды, чтобы избавиться отъ наказанія, притворился сумасшедшимъ такъ, что даже приглашенный директоромъ врачъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Другой разъ онъ одного изъ своихъ товарищей,

надъ которымъ подсмѣивался, совершенно увѣрилъ, что у него бычачьи глаза, и ему удалось довести его до состоянія непродолжительнаго помѣшательства, потребовавшего медицинской помощи.

И этотъ-то человѣкъ, обладавшій такой острой наблюдательностью и сатирическою складкою аналитическаго ума, въ сферѣ своего интимнаго настроенія обладалъ высокой меланхолической чувствительностью, которая влекла его къ мечтательности, мистицизму и нѣжной грусти. Въ то время какъ талантомъ своимъ онъ прикованъ былъ всецѣло къ земному, реальному, — задушевныя стремленія его постоянно витали въ сферѣ грустныхъ думъ и тихихъ вдохновеній. Очень рано еще въ дѣтствѣ это сантиментальное настроеніе вылилось въ немъ въ двѣ болѣе ясно сознанныхъ мечты. Онъ сгоралъ, во-первыхъ, жаланіемъ личнаго совершенства, во 2-хъ — стремленіемъ пересоздать жизнь людскую по какому-то неясному, невѣдомому ему самому идеалу. Этотъ идеалъ онъ смутно прозрѣвалъ, какъ какое-то безплотное лучезарное видѣніе. Та и другая мечта постепенно сливались въ немъ въ представленіе необычнаго подвига, къ которому онъ призванъ, чтобы обновить жизнь.

Такимъ образомъ, въ психической индивидуальности писателя никакъ не могли ужиться острый насмѣшливый умъ и сантиментальное сердце, любящее нѣжиться въ мечтѣ и грусти. Онъ былъ всегда лирически настроенъ и тосковалъ по идеальному міру, но умъ его былъ трезвъ и продолжалъ копить свой сатирическій опытъ, замѣчая всю грязь и пошлость земную...

И вотъ передъ этой-то двойственностью гениальной психики должна была предстать на судъ русская жизнь современнаго общества во всей своей наготѣ, въ качествѣ того матеріала, надъ которымъ долженъ былъ оперировать художникъ. Я не буду Вамъ описывать ее; она всѣмъ Вамъ знакома и, можетъ быть, ярче всего извѣстна изъ сочиненій Гоголя. Пока онъ меньше зналъ жизнь, пока силы души были свѣжѣе и отвлекались въ сторону красоты быта и народныхъ преданій, когда его реальное еще находило себѣ противовѣсъ въ фантастическомъ, когда еще кузнецъ Вакула на спицѣ своего черта переносился прямо изъ чертовой царицы въ кучу диканьскихъ бабъ,—его душевное

равновѣсіе *только* колебалось. Когда же подъ лучами его смѣха озарилась вся грустная Россія съ ея бюрократическимъ холоднымъ Петербургомъ, съ ея крѣпостнымъ строемъ, съ ея уродливыми чудаками помѣщиками и провинціальными взяточниками—чиновниками,—тогда съ ущемленнымъ сердцемъ трепетно поникъ геній...

Противъ воли, инстинктивной силою своего генія, совершивъ свой страшный судъ, свой страшный смѣхъ надъ Россіей, этотъ „духомъ схимникъ сокрушенный а перомъ Аристофанъ“ остался одинокимъ. Въ душу его закрался страшный вопросъ: если его художественному дару дается только изображеніе пошлости, которой полна жизнь, то не унижается ли такимъ изображеніемъ жизни самое искусство, которое должно служить идеалу, и не составляетъ ли вообще искусство грѣха? Русская жизнь не дала ему отвѣта на этотъ вопросъ. Друзья его оставили. Критика стала травить его. И Гоголь, одинокій, осмѣянный, измученный, рѣшилъ вопросъ о грѣховности искусства, изображающаго пошлость жизни, такъ же, какъ рѣшилъ его художникъ въ его повѣсти „Портретъ.“ Незамѣтно вопросъ о законности искусства для него перешелъ въ сферу религіозныхъ переживаній, и свое художественное безсиліе въ области идеальнаго, въ области покоренія себѣ лучезарной мечты, онъ сталъ переживать, какъ глубокое *религіозное* страданіе. И теперь уже ни Палестина, ни Оптина пустынь, ни католическіе храмы, ни келіи „мертвыхъ встанцевъ“ не могли дать ему примиренія. А о. Матвѣй своимъ неумѣлымъ прикосновеніемъ окончательно заглушилъ въ немъ живые проблески догоравшей души. Долго онъ боролся съ собою за права своего генія, взывалъ къ нему съ мольбою не покидать его, осѣнять его хоть по нѣсколько часовъ въ день,—пока окончательно не отказался отъ своего генія, пока и самъ геній не покинулъ его.

Такова судьба Гоголя. Во всей исторіи міровой литературы трудно подыскать что-либо трагичнѣе ея. И въ настоящіе дни торжествъ вмѣстѣ съ благодарнымъ преклоненіемъ передъ его памятью во всѣхъ насъ живетъ сознаніе какъ-бы наслѣдственной виновности въ отношеніи къ его судьбѣ. какого-то стыда за жизнь, чувство расплаты за историческіе грѣхи русской жизни. Въ этой драмѣ есть что-то символическое. Она выступаетъ передъ нашимъ сознаніемъ изъ

узкой сферы личного переживанія и входитъ въ широкую полосу цѣлаго ряда другихъ трагедій въ исторіи русской литературы. Вспомните Гаршина, Успенскаго. Вспомните тѣхъ, въ чьей душѣ былъ достаточно сильный противовѣсъ вѣдшему гнету жизни, но для которыхъ все-таки русская жизнь была мачехой. Пушкинъ въ изгнаніи... Достоевскій въ каторгѣ и подъ розгами... Но всѣ эти писатели, какъ и Гоголь, своими страданіями послужили развитію русскаго сознанія, водворенію правды на землѣ, просвѣтленію духа.

Ихъ страданія имѣютъ искупительное значеніе не только для развитія литературы, но и для всей русской жизни, потому что литература всегда играла исключительную роль въ русской жизни. Въ исторіи другихъ народовъ литература была только частнымъ случаемъ общаго культурнаго состоянія общества, однимъ изъ многихъ проявленій духовной силы народа, которая болѣе или менѣе равномерно проявлялась въ наукахъ, искусствахъ, техникахъ, инициативѣ общественной жизни. Въ нашей исторіи такого соответствія въ различныхъ проявленіяхъ народнаго генія не было. При отсутствіи у насъ самобытной философіи, отдѣльной отъ литературы, при сравнительно невысокомъ уровнѣ нашихъ наукъ и искусствъ, при продолжительной дремотѣ нашей общественной инициативы,—у насъ литература была самой полной, яркой и многогранной выразительницей русскаго генія. Вотъ почему нынѣшній праздникъ есть праздникъ всего русскаго народа, праздникъ нашего національнаго самосознанія, память очистительной жертвы великаго духа за несовершенство русской жизни. Пусть этотъ праздникъ будетъ страстнымъ днемъ русскаго самосознанія Будемъ вѣрить, что пасха его недалеко...

Н. Туницкій.

II.

О страшномъ у Гоголя.

Въ книгѣ Гоголя „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ есть глава „Страхи и ужасы Россіи“. Въ ней отвѣчаетъ онъ на письмо, которое неизвѣстно кто писалъ ему съ такимъ страхомъ, что умолялъ тотчасъ-же „истребить послѣ прочтенія“ и на которое отвѣчать просилъ „не иначе какъ черезъ вѣрныя руки и отнюдь не по почтѣ“. Гоголь

отвѣчаетъ: „то что вы мнѣ объявляете по секрету есть еще не болѣе, какъ одна часть всего дѣла,—а вотъ если-бы я вамъ разсказалъ то, что я знаю (а знаю я безъ всякаго сомнѣнія далеко еще не все), тогда бы точно помutilись ваши мысли“... И далѣе изображаетъ состояніе человѣка „съ омраченными мыслями, не находящаго угла, куда скрыться отъ своихъ страховъ: „Вспомните Египетскія тѣмы, которыя съ такой силой передалъ царь Соломонъ, когда Господь, желая наказать однихъ, наслалъ на нихъ невѣдомые непонятные страхи и тѣмы. Слѣпая ночь объяла ихъ вдругъ среди бѣла дня: со всѣхъ сторонъ установились на нихъ ужасающіе образы. Дряхлыя страшилища съ печальными лицами стали неотразимо въ глазахъ ихъ. Безъ желѣзныхъ цѣпей сковала ихъ всѣхъ боязнь и лишила всего. Всѣ чувства, всѣ побужденія, всѣ силы въ нихъ погибли, кромѣ одного: страха“.

За Гоголемъ почему-то установилась преимущественная репутация юмориста и даже сатирика. Между тѣмъ стоитъ только внимательно приглядѣться ко всѣмъ его произведеніямъ, начиная съ самыхъ раннихъ, чтобы замѣтить присутствіе, и не только присутствіе, но господство въ нихъ этого темнаго, нѣмаго, давящаго страха. Самый смѣхъ выливается здѣсь изъ предчувствія ужаса и замираетъ застигнутый ужасомъ.

По силѣ изображенія *страшнаго* Гоголь, за исключеніемъ развѣ Эдгара По, едва-ли имѣетъ себѣ соперниковъ въ мировой литературѣ. Слѣпой ужасъ таится на днѣ самыхъ смѣхотворныхъ положеній, рисуемыхъ Гоголемъ: почти въ каждомъ изъ нихъ есть такой подстерегающій моментъ, такое заколдованное мѣсто, въ которомъ всѣ чувства, всѣ силы, всѣ побужденія автора читателя, или зрителя исчезаютъ кромѣ одного: страха.

Но по большей части ужасъ такъ глухъ, что долетаетъ до насъ только въ видѣ смѣха. Не простой это смѣхъ: что-то за нимъ таится, но что? Гоголь и самъ не зналъ. Онъ думалъ было, когда впервые задумался надъ этимъ вопросомъ, что за смѣхомъ таятся одни только невидимыя миру слезы. Но вскорѣ самъ отказался отъ этой мысли: недаромъ пересталъ смѣяться. Ужасъ дошелъ до его сознанія и овладѣлъ имъ всецѣло, безраздѣльно. Въ „Авторской исповѣди“ онъ сознается: „причина той веселости которую замѣтили въ

первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому *необъяснимой*. Чтобы развлекать самого себя, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Бралъ смѣшныя лица, или характеры поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь, зачѣмъ это, для чего, и кому отъ этого выйдетъ какая польза“. Эта вотъ тоска—необъяснимая, тупая, тяжелая безъ слезъ, тоска—предчувствіе грядущаго ужаса—она и разлита въ каждомъ произведеніи Гоголя.

И теперь, зная всего Гоголя и оглянувшись на начало его литературной дѣятельности, нельзя не изумиться тому, какъ рано, и какъ точно предсказана была имъ его собственная судьба. Извѣстно, что всѣ художники слова, трагически окончившіе жизнь, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Байронъ, Уайльдъ и др. заранѣе напророчили этотъ конецъ въ своихъ твореніяхъ, отчетливо намѣтили въ нихъ причины и обстоятельства своей гибели. Совершенно такъ-же и Гоголь. Въ самыхъ раннихъ своихъ произведеніяхъ—онъ уже высказался весь: въ нихъ въ зачаткѣ—вкратцѣ дано все послѣдующее развитіе его личности и творчества,—такъ что если-бы мы, положимъ, не имѣли „Переписки съ друзьями“, „Авторской исповѣди“ и друг. созданій послѣднихъ лѣтъ, то ихъ пришлось бы *выдумать*, мысленно проектировать для того, чтобы вычертить цѣликомъ тотъ образъ Гоголя, какой невольнo рисуется намъ уже изъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Миргорода“ .

Не останавливаясь на причинахъ и сущности *страшнаго*, какимъ оно представляется Гоголю, нужно только вообще сказать, что всѣ ужасы Гоголя сосредоточены (и это налагаетъ на его поэзію печать глубокой народности, и вмѣстѣ оригинальности), сосредоточены около проблемы *религіозной*, вопросовъ грѣха и святости, божественнаго и дьявольскаго.

Взять-ли первыя, безсмертныя созданія, вышедшіе изъ подъ-пера художника: повѣсти пасѣчника Рудого Паньки. Въ нихъ еще такъ много брызжущаго, подлиннаго веселья. „Чего не выдумаютъ на веселѣ? Начнутъ бывало наряжаться въ хари... Боже ты мой! На человѣка не похожи. Богъ съ вами! Смѣхъ нападетъ такой, что за животъ хватаешься“. ...„Люди на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не

проскальзывала улыбка, притопывали ногами, и вздрагивали плечами"... „А начнуть дурить да строить рожи, ну... тогда хоть святых вонь выноси!“ Дѣло происходитъ на свадьбѣ въ разказѣ „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“. „Хоть святыхъ вонь выноси“. Это печальное народное словечко, употребленное Гоголемъ, имѣетъ для него какой-то страшный роковой смыслъ. Почему же это, какъ только разгарается веселье, святыхъ приходится выносить вонь? И если выносить святыхъ то кто же занимаетъ ихъ мѣсто?... А вотъ и онъ самъ уже тутъ, какъ тутъ: „У, какая образина! Волосы—щетина, очи какъ у вола. Знаю, чего не достаетъ тебѣ, вотъ чего!... Вздрогнулъ Петро. Ге-ге-ге—да какъ горить! Ге-ге-ге. да какъ звенить!.. Дьяволъ! закричалъ Петро. Давай его! На все готовъ! Хлопнули по рукамъ“...

Чѣмъ же кончилось дѣло? Да тѣмъ же, чѣмъ и Гоголь кончилъ спустя два десятка лѣтъ послѣ появленія въ печати этого перваго своего разказа. „Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ не прошло мѣсяца Петруся никто узнать не могъ. Отчего, что съ нимъ сдѣлалось Богъ знаетъ. Сидитъ на одномъ мѣстѣ и хоть бы слово съ кѣмъ: все думаетъ и какъ будто хочетъ что-то припомнить“. Какъ разъ также въ ночь на Ивана Купала сидѣлъ предъ Петромъ и бѣсовскій человѣкъ Басаврюкъ „на пнѣ весь синій какъ мертвецъ. Хоть бы пошевелился однимъ пальцемъ. Очи неподвижно уставлены на что-то видимое одному ему только; ротъ въ половину разинуть и... ни отвѣта. Вкругъ не шелохнетъ. Ухъ, страшно! Но вотъ послышался свистъ отъ котораго захолонуло у Петра внутри“. И вотъ самъ Петръ теперь, „какъ будто прикованный сидитъ посреди хагы... Одичалъ, обросъ волосами, сталъ страшень и все думаетъ объ одномъ, все силится припомнить что-то и сердится и злится, что не можетъ вспомнить. Часто дико подымается со своего мѣста, поводитъ руками, вперяетъ во что-то глаза свои, какъ будто хочетъ уловить его: губы шевелятся, какъ будто хотятъ произнести какое-то давно забытое слово... и неподвижно останавливается. Бѣшенство овладѣваетъ имъ; какъ полоумный грызетъ и кусаетъ себѣ руки и въ досадѣ рветъ клоками волоса, покамѣстъ утихнувъ не упадетъ, какъ будто въ забытїи. А послѣ снова принимается вспоминать, и снова бѣшенство и снова тоска. Что это за напасть Божія?“ Вотъ — тѣма Еги-

петская, ночь объявшаая челоѣка среди бѣлаго дня: вѣдь это же до мельчайшихъ подробностей точный портретъ Гоголя послѣднихъ лѣтъ, сжигавшаго, рвавшаго свои произведенія и удушившаго себя голодной смертью. И конецъ: „сбѣжались люди, принялись стучать, высадили дверь: хотъ бы душа одна. Вся хата полна дыму и посрединѣ только гдѣ стоялъ Петрусь куча пепла, отъ котораго мѣстами подымался еще паръ.. Выпуча глаза, разинувъ рты, не смѣя пошевелить усомъ, стояли казаки, будто вкопанные въ землю. Такой страхъ навѣяло на нихъ это диво“.

Бѣшенные неудачные *поиски* и въ результатѣ ихъ неподвижная мертвецкая *оцепенѣлость*—это послѣдняя стадія сгустившихся ужасовъ и мраковъ, а начинаются они паническимъ, неудержимымъ бѣгствомъ, описаніе котораго мы находимъ въ той же первой повѣсти Гоголя: „Дьявольскій хохотъ загремѣлъ со всѣхъ сторонъ. Безобразныя чудища стаями скакали передъ нимъ. Все пошло кругомъ въ головѣ его. Собравши всѣ силы, бросился онъ бѣжать. Все покрылось передъ нимъ краснымъ свѣтомъ. Деревья всѣ въ крови, казалось, горѣли и стонали и гремѣли сыпучей бравью. Небо раскалившись дрожало, Выбившись изъ силъ, вбѣжалъ онъ въ свою лачужку и какъ снопъ повалился на землю. Мертвый сонъ охватилъ его“. Эта картина повторяется затѣмъ у Гоголя на каждомъ шагу. Какъ разъ такъ же мчится колдунъ въ „Страшной мести“ дѣдъ въ „Пропавшей грамотѣ“ и въ „Заколдованномъ мѣстѣ“, черевикъ въ „Сорочинской ярмаркѣ“, художникъ Пискаревъ въ „Невскомъ Проспектѣ“ и проч. А въ идиллической повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики“ Гоголь вспоминаетъ, какъ еще въ дѣтствѣ нерѣдко пугала его таинственнымъ зовомъ безоблачная тишина лѣтняго сада и повергала въ дикое бѣгство. „Признаюсь: если бы ночь бѣшенная и бурная со всѣмъ адомъ стихій настигла меня одного среди непроходимаго лѣса, я бы не такъ испугался ея, какъ этой ужасной тишины безоблачнаго дня. Я, обыкновенно, бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимавшимся дыханіемъ изъ саду, и только тогда успокаивался, когда попадался мнѣ на встрѣчу какойнибудь челоѣкъ, видъ котораго изгонялъ эту страшную сердечную пустыню“.

И всюду вездѣ преслѣдуетъ Гоголя этотъ дьявольскій ужасъ, нарастающій притомъ непосредственно вслѣдъ за

припадками смѣха. Въ разсказѣ „Пропавшая Грамота“ дѣду попадаетъ на встрѣчу запорожець. „Гуляка по лицу видно! Пошли калякать, калякать. Нашего запорожца раздобарь взялъ страшный. Откуда что набиралось! Истории и присказки такія диковинныя, что дѣдъ нѣсколько разъ хватался за бока и чуть не надсадилъ своего живота со смѣху. Но... въ полѣ становилось, чѣмъ далѣ, тѣмъ сумрачнѣй, а вмѣстѣ съ тѣмъ становилась несвязнѣе и молодецкая молвь. Наконецъ разсказчикъ нашъ притихъ совѣмъ и вздрагиваль при малѣйшемъ шорохѣ.

Ге—ге, землякъ! Да ты видно не на шутку принялся считать совѣ? Ужъ не думаешь-ли какъ бы домой да на печь? Передъ вами нечего таиться... сказаль онъ вдругъ оборотившись и неподвижно уставивъ на нихъ глаза свои. Знаете-ли, что душа моя давно продана нечистому?..“

Вотъ казакъ изъ „Страшной мести“ появившійся на шумной свадьбѣ у есаула Горобца. „Кто онъ таковъ, никто не зналъ. Но онъ уже протанцоваль на славу казачка, и успѣлъ до упаду насмѣшить обступившую его толпу. Но когда есауль поднялъ иконы (доставшіяся ему отъ честнаго схимника старца Вареоломея) вдругъ все лицо казака перемѣнилось: носъ выросъ и наклонился въ сторону, вмѣсто карихъ запрыгали зеленыя очи, губы засинѣли, подбородокъ задрожаль и заострился, какъ копье изо-рта выбѣжалъ клыкъ, изъ-за спины поднялся горбъ... Это онъ! это онъ! кричали въ толпѣ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу. Колдунъ показался снова! кричали матери, хватая за руки дѣтей своихъ“.

И всѣ безъ исключеніи герои Гоголя то и дѣло прислушиваются къ себѣ и другъ къ другу, чего-то ждуть съ минуты на минуту, что-то подозрѣвають, прозрѣвають и „въ тайномъ, неразгаданномъ, ночномъ, вдругъ узнають *ни-слѣдье роковое*“.

„Правда-ли что *мать твоя—вѣдьма?*“ произнесла Оксана, и засмѣялась и кузнецъ почувствовалъ, что все внутри его засмѣялось. Смѣхъ этотъ какъ будто разомъ отозвался въ сердцѣ и въ тихо встрепенувшихся жилахъ.—Что мнѣ до матери... Ты у меня мать и отецъ и все что есть дорогаго на свѣтѣ“.

„Ты не знаешь, Катерина, (говорить ее мужъ Данило)

десятой доли того, что знаетъ душа твоя. Знаешь-ли, что *отецъ твой—антихристъ?* Если-бы я зналъ, что у тебя такой отецъ, кинулъ бы я тебя, не принялъ бы на душу грѣха, породнившись съ антихристовымъ племенемъ!—Нѣтъ не называй его отцомъ моимъ! Богъ свидѣтель, отрекаюсь отъ него, отрекаюсь отъ отца. Пропадай онъ, не подамъ руки спасти его! Ты у меня отецъ мой.“

Открывши въ себѣ это родство, эту близость къ нечистой силѣ и, отрекаясь отъ нея впредь, герои фантастическихъ повѣстей Гоголя, по большей части, не унываютъ, а сейчасъ же смотрятъ, нельзя-ли какъ нибудь оставить Сатану въ дуракахъ. Вѣдь разъ они чорту сродни, имъ лучше, чѣмъ кому нибудь извѣстны все его слабости. И дѣйствительно: иногда удается имъ поддѣть, обморочить врага рода чело-вѣческаго: воспользоваться имъ, а потомъ жестоко на-смѣяться. Но такія повѣсти какъ „Вечеръ наканунѣ Ива-на Купалы“ „Віѣ“, „Страшная мечь“. „Портретъ“ (по-жалуй также „Невскій проспектъ“, „Шинель“ и др.) за-канчиваются полнымъ торжествомъ дьявольской силы и ужасною гибелью людей, имѣвшихъ несчастье, или дерзость съ нею спознаться.

Однобразіе деталей поразительно: неизмѣнно—одинако-вые образы дряхлыхъ страшилищъ, какъ навязчивый кош-маръ, душатъ Гоголя и въ „Сорочинской ярмаркѣ“ и въ „Ночи наканунѣ Ивана Купала“ и въ „Ночи предъ Рожде-ствомъ“ и въ „Майской ночи“ и въ „Віѣ“ и въ „Шинели“ и въ „Носѣ“ и въ „Портретѣ“ и въ „Невскомъ проспектѣ“ и въ „Запискахъ сумасшедшаго“ и въ „Перепискѣ съ друзь-ями“ и въ частныхъ письмахъ и наконецъ на смертномъ одрѣ. Совпаденіе простирается до невѣроятности: буквально одни и тѣ же слова, фразы, срываются съ устъ Гоголя и его героевъ въ этомъ бреду, сначала гениальномъ, художе-ственно-творческомъ, затѣмъ морально-проповѣдническомъ, наконецъ простомъ, обыкновенномъ чело-вѣческомъ пред-смертномъ бреду.

И все ему видятся штуки чорта: вотъ онъ рыскаетъ по свѣту: ищетъ недостающій рукавъ красной свитки. „Неуго-моненъ проклятый: носилъ бы ужъ свитку безъ рукава, такъ нѣтъ—нужно добрымъ людямъ не давать покою!“ Впрочемъ это не чортъ: это Акакій Акакіевичъ ищетъ пропавшую

шинель „на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ безъ износу“; ищетъ ее по темнымъ ночамъ на улицахъ Петербурга, наводя ужасъ на прохожихъ. Или нѣтъ: это майоръ Ковалевъ ищетъ свой невѣдомо куда и какъ улетучившійся носъ. А можетъ быть это и не майоръ Ковалевъ: это самъ Гоголь съ бѣшенствомъ и отчаяніемъ ищетъ въ Россіи положительнаго типа для своихъ „Мертвыхъ душъ“, хочеть „представить несмѣтное богатство русскаго духа“, показывать читателямъ „мужа одареннаго доблестями“... И вотъ ужъ какъ будто находитъ, общается: „ну, хлопцы, будетъ вамъ теперъ на бублики! Будете, собачьи дѣти, ходить въ золотыхъ жупанахъ! Посмотрите-те ка что я вамъ принесъ!.. Что жъ бы вы думали такое тамъ было? Ну, по малой мѣрѣ, подумавши хорошенько: а? золото? Вотъ то-то и есть что не золото: соръ, дрязгъ: стыдно, сказать что такое“: добродѣтельный кулакъ Костанжогло, да христіанскій откупщикъ Муразовъ... И рукопись „Мертвыхъ душъ“ летитъ въ печь. „Такъ вишь ты какъ обморочить человѣка нечистая сила. Вѣдь впутается же Иродъ, врагъ рода человѣческаго!..“ Во всей Россіи—одни свинья хари вмѣсто лицъ: ничего положительнаго: не на чемъ остановиться, упереться: словно чортъ слизалъ все: пусто, хоть шаромъ покати, и ужъ не кажется на встрѣчу, какъ въ дѣтствѣ, ни одинъ „человѣкъ, видъ котораго могъ бы изгнать эту страшную сердечную пустыню“... „Велѣлъ подать воды, протеръ полотенцемъ глаза: точно—нѣтъ носа! началъ шупать рукой, ушипнулъ себя, чтобы узнать не спитъ-ли онъ: кажется не спитъ: вскочилъ съ кровати встряхнулся—все нѣтъ носа! Онъ велѣлъ тотчасъ подать себѣ одѣться и полетѣлъ прямо къ оберъ-полицмейстеру“... Но тщетны всѣ поиски. А носъ и вьется гдѣ то около, да никакъ его не ухватишь. „Какимъ же образомъ, какими судьбами это приключилось? Только чортъ разберетъ это! сказалъ онъ опустивъ руки...“ „...Что за дьяволь! Смотри Панасъ!—Что?—Какъ что?—Мѣсяца нѣтъ—Что за пропасть: въ самомъ дѣлѣ нѣтъ мѣсяца! Право какъ на смѣхъ... Надо же какому-то дьяволу вмѣшаться!“

Такія основательныя, твердыя положительныя вещи, какъ шинель на крѣпкой подкладкѣ, носъ, мѣсяцъ вѣдь это не то, что какая нибудь, какъ выражается Чичиковъ „вольно-

думная химера юности“—и вдругъ они—такъ необъяснимо, такъ нахально проваливаются, исчезаютъ, „какъ волдырь на водѣ“. Что-же тогда остается твердаго въ мірѣ? Вотъ дружба Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Чего кажется прочнѣй? „Какое прекрасное хозяйство у обоихъ! И... эти два друга... Когда я услышалъ объ этомъ, то меня какъ громомъ поразило. Я долго не хотѣлъ вѣрить. Боже праведный! Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ! Такие достойные люди! Что жъ теперь прочно на этомъ свѣтѣ?“... „Однообразный дождь... слезливое безъ просвѣта небо... скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“... „...И непонятной тоскою уже загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь: все мельчаетъ и мельчаетъ и возрастаетъ только въ виду всѣхъ одинъ исполинскій образъ *скуки*, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо. Могила повсюду. Боже! Пусто и страшно становится въ твоемъ мірѣ!“

„Прощайте, братцы! кричить кузнецъ Вакула, рисовавшій на чорта такія злыя обидныя каррикатуры, которыя были ему тошнѣе всѣхъ проповѣдей отца Кондрата. Прощайте! Не поминайте лихомъ! Дастъ Богъ увидимся на томъ свѣтѣ, а на этомъ уже не гулять намъ вмѣстѣ! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворилъ панихиду по моей грѣшной душѣ. Свѣчей къ иконамъ чудотворца и Божіей Матери—грѣшенъ не обмалевалъ за мірскими дѣлами. Все добро, какое найдется въ моей скринѣ на церковь! Прощайте!“

„Дыбомъ поднялись волосы на головѣ колдуна. Дико закричалъ онъ, заплакалъ какъ изступленный и погналъ коня прямо къ Кіеву.—Покаюсь. Пойду въ пещеры. Надѣну на тѣло жесткую власяницу. День и ночь буду молиться Богу. Не только скоромнаго, не возьму рыбы въ ротъ. Не постелю одежды, когда стану спать! И все буду молиться, все молиться! И когда не сниметъ съ меня милосердіе Божіе хоть сотою доли грѣховъ моихъ, закопаюсь по шею въ землю, или замуруюсь въ каменную стѣну, *не возьму ни пищи, ни питія и умру...* а все добро свое отдамъ чернецамъ, чтобы сорокъ дней и сорокъ ночей правили по мнѣ панихиду“. „Отчаянный колдунъ летѣлъ въ Кіевъ ко святымъ мѣстамъ“... „Отецъ! молись! молись! закричалъ онъ отчаянно. Молись о погибшей душѣ! и грянулся на землю передъ схимникомъ“...

„Прошу прощенія, кричить Гоголь въ предисловіи къ своей „перепискѣ“, у всѣхъ, съ которыми надолго, или на короткое время случилось мнѣ встрѣтиться на дорогѣ жизни... Никто въ такую минуту не долженъ, не посмѣетъ не простить меня. Приготавлиюсь къ отдаленному путешествію ко святымъ мѣстамъ. Прошу всѣхъ въ Россіи помолиться обо мнѣ, начиная отъ святителей, которыхъ вся жизнь уже есть молитва... Предать же тѣло мое землѣ не разбирая мѣста, гдѣ лежать ему. Прошу помолиться покрѣпче о душѣ моей... Соотечественники страшно! замираетъ отъ ужаса душа, стонетъ весь умирающій составъ мой, чужа исполинскія возрастанія и плоды, сѣмена которыхъ мы сѣяли въ жизни, не подозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся“...

Однако ужасы не прекращаются послѣ покаянія и самоистязанія. Святыя буквы наливаются кровью при видѣ такого страшнаго грѣшника — и проклятiями гремятъ ему вслѣдъ. И философъ Хома Бруть, читавшій въ церкви псалтирь среди издѣвательствъ бѣсовской силы „съ ужасомъ замѣчаетъ, что онъ читаетъ совсѣмъ не то что, написано въ книгѣ“. Мы знаемъ, *что* все это кончилось.

А вотъ наконецъ и однообразный лучъ смутной надежды на какое-то неожиданное избавленіе, мелькающій среди кошмаровъ и дьявольскихъ ужасовъ Гоголя. Вотъ что грезилось ему въ одномъ изъ первыхъ разсказовъ „Майская ночь, или утопленница“: „знаешь Галю,—говоритъ тамъ паренъ своей возлюбленной: есть у Бога длинная *лѣстница* отъ неба и до самой земли. Ее ставятъ передъ свѣтлымъ воскресеньемъ святыя архангелы и какъ только ступитъ Богъ на первую ступень, всѣ нечистые духи полетятъ стремглавъ и кучами попадаютъ въ пекло. И оттого на Христовъ праздникъ ни одного злого духа не бываетъ на землѣ“. А „переписка съ друзьями“ заканчивается статьей „Свѣтлое Воскресенье“ и вотъ что тамъ между прочимъ говорится: „мечта-ли это? но зачѣмъ же эта мечта не приходитъ въ голову никому другому, кромѣ русскаго? Что это значить, въ самомъ дѣлѣ, что самый праздникъ исчезъ а видимые призраки его такъ ясно несутся по лицу земли нашей: раздаются слова: Христось Воскресе! и поцѣлуй,—и всякій разъ такъ-же торжественно выступаетъ святая полночь, и гулы всезвонныхъ колоколовъ

гудять и гудять по всей землѣ, точно какъ бы будятъ насъ. Гдѣ посятся такъ очевидно призраки, тамъ не даромъ посятся. Гдѣ будятъ, тамъ разбудятъ. Не умираютъ *тѣ* обычаи, которымъ опредѣлено быть вѣчными. Умираютъ въ буквѣ, но оживаютъ въ духѣ. Померкаютъ временно, умираютъ въ пустыхъ и вывѣтрившихся толпахъ, но воскресаютъ съ новою силою въ избранныхъ, затѣмъ, чтобы въ сильнѣйшемъ свѣтѣ разлиться отъ нихъ по всему міру... Богъ вѣсть, можетъ быть, уже готова сброситься съ небесъ къ намъ *лѣстница* и протянуться рука помогающая вознестись по ней“. И умирая въ бреду безъ сознанія, Гоголь кричалъ: „*лѣстницу, скорѣе лѣстницу!*“ Это были его послѣднія слова. А послѣдняя строка начертанная его рукою заключала въ себѣ молитву о томъ чтобы „*связать сатану* неисповѣдимой силой креста“.

Остается еще добавить, что Гоголь оказался пророкомъ не только своей участи и своей смерти, но и отношенія окружающаго общества къ его трагедіи. Большая часть, конечно, не обратила никакого вниманія на происходившее. „Никого ничѣмъ не разбудишь: богатырски задремалъ вынѣшній вѣкъ“ какъ жалуется Гоголь въ одномъ изъ писемъ. Вотъ сцена изъ Сорочинской ярмарки (ночной ужасъ и бѣгство Солопія Черевика):

„Чортъ! чортъ! кричалъ онъ безъ памяти утрая силы и черезъ минуту безъ чувствъ повалился на землю. Духъ у него занялся. Сердце колотилось какъ мельничная ступа. Чортъ! Чортъ! кричало все вслѣдъ за нимъ—и онъ слышалъ только, какъ что-то съ шумомъ ринулось на него. Тутъ память отъ него улетѣла и онъ какъ страшный жилецъ тѣснаго гроба остался вѣмъ и недвижимъ посреди дороги...“

Слышишь Власъ! говорилъ приподнявшіеся ночью одинъ изъ толпы народа спавшаго на улицѣ: возлѣ насъ ктò-то помянулъ чорта?—Мнѣ какое дѣло? проворчалъ потягиваясь другой—хоть бы и всѣхъ своихъ родичей помянулъ!—Но вѣдь такъ закричалъ—какъ будто давятъ его!—Мало-ли чего человекъ не совретъ спросонья!...“

Впрочемъ, безъ сомнѣнія, другіе знавшіе Гоголя лично, или по его произведеніямъ, оказались болѣе сердобольными и искренно пожалѣли о немъ, какъ о выдающемся художникѣ и весьма полезномъ общественномъ дѣятелѣ, погибшемъ ни за

что, благодаря какому-то непостижимому сплетенію обстоя-
тельствъ. „Славный былъ человѣкъ Хома! сказалъ звонарь
Халява, когда хромой шинкаръ поставилъ предъ нимъ
третью кружку.—Знатный былъ человѣкъ! А пропалъ ни за
что“... „Такъ кузнецъ утонулъ! размышлялъ голова. Боже ты
мой! А какой важный живописецъ былъ! Какіе вожжи крѣп-
кіе, серпы, плуги умѣлъ выковывать! Что за сила была!
Да,—продолжалъ онъ, задумавшись,—такихъ людей мало у
насъ на селѣ. То-то я еще, сидя въ проклятомъ мѣшкѣ, за-
мѣчалъ, что бѣдняжка былъ крѣпко не въ духѣ. Вотъ тебѣ
и кузнецъ! Былъ, а теперь и нѣтъ! А я собирался было
подковать свою рябую кобылу. И, будучи полонъ такихъ
христіанскихъ мыслей голова тихо побрелъ въ свою хату.“

Студ. А. Горскій.

III.

Гоголь и Бѣлинскій.

Эхъ, придетъ ли времячко,
Когда (приди желанное..!)
Дадутъ понять крестьянину,
Что рознь портретъ портретику,
Что книга книгъ рознь?
Когда мужикъ не Блюхера
И не милорда глупаго—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ.

(Некрасовъ).

Не оговорился ли здѣсь поэтъ, „печальникъ народнаго
горя“, не для стиха ли только соединилъ онъ два великихъ
имени въ мечтѣ своей и чтеніе ихъ сочиненій въ крестьян-
ской избѣ, продажу ихъ на деревенскомъ базарѣ призналъ
условіемъ и признакомъ наступленія на Руси счастливаго,
горячо имъ желаннаго времени? Почему среди другихъ ве-
ликихъ именъ—этаповъ въ развитіи художественнаго твор-
чества и русскаго самосознанія выбралъ онъ эти два имени
и почему сейчасъ воспоминаніе о Гоголѣ вызываетъ въ пред-
ставленіи тѣнь великаго критика земли Русской?

100 лѣтъ прошло со дня рожденія Гоголя, 98—со дня ро-

жденія Бѣлинскаго, они были современники и почти сверстники, ихъ литературная дѣятельность прошла почти въ одни годы, но не этой только, случайной, хронологической связью соединяются они и въ сознаніи ихъ преемниковъ, самое соединеніе произошло уже послѣ ихъ смерти. Мало знакомые между собой лично при жизни, въ концѣ жизни даже литературные враги, они соединены впоследствии, когда въ процессѣ историческаго развитія русской мысли отпало въ творствѣ ихъ все личное, принадлежащее только имъ, обусловленное различными временными причинами и отдѣлилось все непреходящее въ ихъ творствѣ, все что вошло въ общую сумму культурнаго богатства Россіи, какъ ея приобрѣтеніе на всѣ времена, какъ новая ступень въ ея духовномъ развитіи.

Прежде всего область дѣятельности соединяетъ Гоголя и Бѣлинскаго—русская литература. Въ эпоху 30—40 годовъ, въ эпоху пробужденія русской мысли и самостоятельнаго творчества, когда во всѣхъ областяхъ ея намѣчались точки опоры для дальнѣйшаго движенія, когда страннымъ образомъ перемѣшивались созданія ученически—подражательныя съ самостоятельными, Гоголь бессознательно, повинаясь творческому инстинкту, какъ пророкъ своему призванію, создалъ рядъ знаменитыхъ своихъ рассказовъ. Быть можетъ долго рассказы, которые „швырнулъ въ свѣтъ какой то пасичникъ“, не получили бы широкаго распространенія, быть можетъ не скоро были бы выдѣлены они, какъ перлы, изъ того, по выраженію Бѣлинскаго, „моря великаго и пространнаго“, которое представляла собой тогдашняя литература. Нуженъ былъ зоркій глазъ великаго критика, его художественное чутье, чтобы замѣтить эти рассказы, выдѣлить ихъ и авторитетнымъ словомъ указать на нихъ образованному обществу, разъяснивъ всѣмъ, что говорятъ они своеобразнымъ художественнымъ языкомъ. Бѣлинскій поддержалъ Гоголя: съ другой стороны гоголевскіе рассказы указали и самому критику путь среди эстетическихъ теорій германскихъ философовъ. Можно сказать, что Гоголь былъ бы не полонъ и теперь безъ своего истолкователя Бѣлинскаго, а Бѣлинскій не полонъ безъ Гоголя, создавшаго яркую иллюстрацію къ его теоріи, самый доказательный аргументъ значенія реалистическаго принципа въ искусствѣ. Они дополняютъ другъ

друга въ исторіи русской литературы, общими усиліями устанавливая одно: „важность художественнаго воспроизведенія дѣйствительности во всей ея истинѣ“.

Соединенные въ исторіи литературы взаимнымъ дополненіемъ въ установленіи художественнаго реализма, они соединены въ исторіи русскаго самосознанія единствомъ рѣшаемой ими одной великой проблемы, даже довольно сходно ими формулированной. Въ жизни Бѣлинскаго, какъ и въ жизни Гоголя, была трагедія, обусловленная вставшей предъ нимъ проблемой о смыслѣ русской жизни, о *разумности русской дѣйствительности*. Вопросъ о русской жизни былъ пробнымъ камнемъ, разбивавшимъ въ Бѣлинскомъ германскія идеалистическія философскія системы, которыми онъ увлекался и которыя въ концѣ концовъ не давали удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Онъ же раздѣлилъ и въ Гоголѣ двѣ стихіи его души: реализмъ таланта и мистику ума,—создалъ его трагедію. Проблема о русской дѣйствительности заключала для русскихъ гораздо больше одного только теоретическаго вопроса и потому для многихъ, ее рѣшавшихъ въ теоріи ли безъ жизни, или въ жизни безъ теоріи, скрывала въ себѣ глубокую внутреннюю трагедію. Для Бѣлинскаго извѣстная фраза Гегеля, мимоходомъ брошенная тѣмъ въ предисловіи къ своей философіи права: „*все дѣйствительное разумно и все разумное — дѣйствительно*“, въ вопросительной формѣ стала обозначать центральную, опредѣляющую проблему его духовной жизни, въ различныя моменты имъ различно понимаемую и рѣшаемую. Для Гоголя также предметомъ его творчества была русская жизнь, родная дѣйствительность. „Предметъ у меня былъ одинъ, говоритъ онъ въ авторской исповѣди, предметъ у меня—жизнь, а не другое что. Жизнь преслѣдовалъ я въ ея дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія“. Художественное воспроизведеніе дѣйствительности ставилъ Бѣлинскій главной заслугой Гоголю, въ этомъ видѣлъ значеніе его таланта, а указаніе на важность этого воспроизведенія считается теперь заслугой Бѣлинскаго, главнымъ значеніемъ его литературной дѣятельности.

Гоголь и Бѣлинскій сдѣлались врагами въ послѣднемъ періодѣ своей жизни. Извѣстно знаменитое письмо Бѣлинскаго Гоголю, написанное въ порывѣ вдохновенія, тономъ оскорбленнаго въ лучшихъ своихъ чувствахъ человѣка. Из-

вѣстно, что самые ожесточенные споры бывають при діаметрально противоположномъ рѣшеніи одинаково близкаго, рѣзко поставленнаго вопроса. Такъ было и здѣсь. У обоихъ одинъ фактъ передъ глазами: русская дѣйствительность, одинъ вопросъ о смыслѣ этого факта. „Тутъ дѣло идетъ не о моей, или вашей личности, пишетъ Бѣлинскій, а о предметѣ, который выше Васъ и меня, о русскомъ обществѣ, о Россіи“. Одинъ и тотъ же вопросъ различно рѣшили они, близкій, больной вопросъ и отъ того рѣзко пишетъ великій критикъ, отъ того въ безсиліи страдаетъ великій писатель.

Въ „перепискѣ съ друзьями“ Гоголь сдѣлалъ то же, что Бѣлинскій въ статьяхъ „о Бородинской годовщинѣ“ и „о Менцелѣ“. Въ жизни того и другого были сходныя періоды, одна и та же полоса въ ихъ развитіи: примиреніе съ жизнью черезъ ея высшее оправданіе. Различными путями, исходя изъ различныхъ положеній шли они къ одному: къ признанію въ русской жизни высшаго разумнаго, у Гоголя даже провиденціального смысла. Оба подходили къ этому труднымъ тяжелымъ путемъ, подходили не въ одно время. У Бѣлинскаго моментъ примиренія съ дѣйствительностью не былъ, какъ у Гоголя, послѣднимъ, завершительнымъ періодомъ его жизни. Его развитіе шло по прямой линіи: отъ инстинктивнаго, безсознательнаго разлада съ жизнью въ дѣтствѣ, къ сознательному разладу съ соціальной жизнью въ періодъ зрѣлости черезъ примиреніе съ ней среди этихъ моментовъ. Путь Гоголя былъ иной. Въ дѣтствѣ и по натурѣ своей онъ примиренъ былъ съ жизнью, талантъ же его отрицалъ ея нравственныя недостатки, отрицалъ примиреніе и выше силъ поэта было преодолѣть эти два различные голоса въ душѣ своей, не въ силахъ онъ былъ заглушить одинъ изъ нихъ, что требовалось для его спокойствія.

Въ концѣ своей жизни, въ моментъ ихъ знаменитой полемики они стояли на противоположныхъ пунктахъ. Одинъ на отрицаніи дѣйствительности, другой на ея оправданіи. При такомъ положеніи обмѣнялись они письмами и оставили ихъ въ поученіе потомкамъ. Рѣзко разошлись они въ рѣшеніи великой проблемы русской жизни, но въ первомъ періодѣ ихъ было согласіе въ необходимости художественнаго изображенія ея „во всей ея истинѣ“. Въ этомъ согласны были они и ихъ преемники, — тѣ, которые воспитывались

подъ ихъ вліяніемъ, приняли эту истину, связавъ съ этими именами ея установленіе. Все же остальное,—ихъ діаметрально противоположное рѣшеніе проблемы русской жизни, и до сихъ поръ остается вопросомъ для общества...

Гоголь и Бѣлинскій стояли во главѣ эпохи, которая и называется теперь въ исторіи литературы то „Гоголевскимъ періодомъ“, то „эпохой Бѣлинскаго“. Гоголя назвалъ Бѣлинскій „главою русской литературы“, а Бѣлинскій назвалъ потомствомъ „главою русской критики“. Они занимали видные пункты, ихъ жизнь шла на глазахъ у всѣхъ, ихъ слова читала вся мыслящая Россія и они оба понимали всю отвѣтственность предъ будущими поклоненіями за свои мысли. „Обращаться со словомъ нужно честно“, говорилъ Гоголь.

— „Потерпимъ за будущее поколѣніе и съ помощью Божіей быть можетъ облегчимъ трудъ его“, говорилъ Бѣлинскій.

Оба они понимали, что не безслѣдна была ихъ жизнь, что слово ихъ не затеряется среди другихъ словъ и для нихъ настанетъ судъ исторіи.

— „Я многимъ, говоритъ Бѣлинскій, быть можетъ укажу на возможность блаженства, многимъ помогу дойти до него, многихъ заставляю, не зная меня лично, любить и уважать меня и признавать ихъ обязанными мнѣ лично своимъ развитіемъ, минутами своего вдохновенія, но самъ, кромѣ минутъ, буду знать одно страданіе“.

Подобнымъ образомъ прозрѣваль свое значеніе и Гоголь. „Знаю, говоритъ онъ, что мое имя будетъ послѣ меня счастливіе меня и потомки земляковъ моихъ, быть можетъ съ глазами, влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моеѣ тѣни“. Россія уже во второй разъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ произноситъ это примиреніе въ хвалебныхъ гимнахъ.

Трудной, тяжелой цѣной купали они общій почетъ послѣ смерти своей. Съ ихъ высокихъ пунктовъ шире былъ кругозоръ и стоя въ недоумѣніи предъ широкой, загадочной далью своей родины, „на распутьи“, они были первыми вѣхами на пути развитія русской мысли. Ихъ литературная дѣятельность и ихъ жизнь, благодаря аналогичнымъ условіямъ, въ которыхъ пришлось жить и дѣйствовать имъ и другимъ передовымъ людямъ Россіи, стала предзнаменованіемъ для другихъ подобныхъ жизней. „Художественный анализъ, идущій въ

глубь индивидуальной психики, а не въ ширь породивших ее условій“, сближаетъ Гоголя съ Достоевскимъ, его отреченіе отъ своей славы и твореній—съ Толстымъ, его трагическая кончина при гибнущемъ сознаніи, что онъ „не такъ и не то“ писалъ—съ Глѣбомъ Успенскимъ и др. Въ свою очередь дѣятельность Бѣлинскаго и его личная жизнь такъ же находятъ себѣ параллели въ другихъ жизняхъ, отданныхъ на честное служеніе родинѣ...

„Русь, чего ты хочешь? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ и зачѣмъ все что ни есть въ тебѣ обратило на насъ полныя ожиданія очи?“ Ни предъ однимъ писателемъ міра не стоитъ такъ его страна, ни одна страна не будитъ въ своемъ писателѣ столько страданій столько страшныхъ усилій какъ Русь! Къ этимъ людямъ близко подошла родина, вперяя въ нихъ свои очи, требуя жертвы и они покорны были этой силѣ, этому властному призыву.

Прошло 57 лѣтъ послѣ смерти Гоголя и онъ оказался счастливѣе своего современника, великаго критика земли русской. Его имя уже не одинъ разъ въ дни, посвященные его памяти, пронеслось въ хвалебныхъ гимнахъ по необъятному простору Россіи. Скоро упадетъ покрывало съ его памятника и глазамъ собравшихся у его подножія представителей умственной жизни Россіи и гостей съ Запада предстанетъ знакомая фигура съ непокрытой головой, скорбная, какъ будто недоумѣвающая, чутко прислушивающаяся къ послѣдней тайнѣ жизни. Менѣе популяренъ Бѣлинскій къ тому году, когда исполняется столѣтіе со дня его рожденія, но это во многомъ зависитъ отъ содержанія и формы его сочиненій. Пройдетъ быть можетъ еще очень много времени, когда исполнится мечта Некрасова, связанная Гоголемъ и Бѣлинскимъ:

Ой люди, люди русскіе!
 Крестьяне православные!
 Слыхали ли когда нибудь
 Вы эти имена?
 То имена великіе:
 Носили ихъ, прославили
 Заступники народные.
 Вотъ вамъ бы ихъ портретники
 Повѣсите въ вашихъ горенкахъ,

Ихъ книги прочитатъ...

Ко дню столѣтія рожденія Гоголя его сочиненія изданы по удешевленной цѣнѣ и быть можетъ на половину станеть исполняться мечта поэта, когда крестьянинъ повезетъ съ базара сочиненія Гоголя. Долго ждать исполненія второй ея половины, но во всероссійскомъ гимнѣ въ честь Гоголя, какъ будто чувствуется увѣренность въ этомъ.

Давно сошли со сцены Гоголь и Бѣлинскій и величавыя тѣни ихъ уже рисуются вдали полувѣка. Ихъ слово закрѣплено недвижимо печатнымъ станкомъ и на страницахъ ихъ сочиненій звучитъ въ поученіе потомкамъ завѣтъ, такъ ярко формулированный Гоголемъ въ извѣстной его поэмѣ: „выходя въ жизнь, забирайте съ собою въ путь все суровое, ожесточающее мужество, забирайте всѣ лучшія челоувѣческія движенія; не оставляйте ихъ на дорогѣ; не подымете потомъ!“

Студ. М. Бяляевъ.

IV.

Тѣни Гоголя.

Въ тяжелый мракъ ненастья пришелъ Онъ—гость
могучій...

Какъ ранніе туманы, клубились чары—тайны...
Какъ синій вечеръ юга, онъ былъ мечтой пѣвучей...
Въ снѣгу подъ стонъ мятелей онъ росъ—цвѣтокъ
Украины...

* *
*

Отъ думъ, тоски и страха раскрылись въ сердцѣ раны...
Людей онъ звалъ на небо своей душой мятежной...
И взоръ Его сквозь слезы шепталъ разговоръ безграничный
И замеръ смѣхъ, какъ эхо въ лѣсахъ тайги безбрежной...

* *
*

Въ тревогѣ и въ потемкахъ, сливаясь съ мрачной
бездной,
Онъ плакалъ и молился... Каралъ грѣхи, пороки...
Весь міръ—кладбище мертвыхъ... и въ этой тьмѣ
беззвѣздной
Пылалъ онъ жгучимъ солнцемъ, какъ въ древности
пророки...

Но бездна все тянула. Звала своимъ раскатомъ...
 Межъ небомъ и землею задохся онъ усталый...
 Онъ былъ созвѣздій ярче... Онъ былъ безсильнымъ
 братомъ...
 Какъ волны золотыя разбился Онъ о скалы...

* *
 * *

Какъ волны золотыя сверкаютъ вновь огнями:
 Ихъ гулъ съ искристой пѣной забвеньемъ не измолоть...
 Тѣнь Гоголя—безсмертна. Пусть дни идутъ за днями
 Она зоветъ все выше. Она растопитъ холодъ...

* *
 * *

Пусть многое разсѣявъ, какъ сѣятель неожиданный
 Онъ дальнихъ звѣздъ не видя, бросалъ безцѣльно зерна...
 Его вѣнецъ терновый изъ слезъ и грезъ сотканый
 Горитъ рубиномъ яркимъ въ каймѣ полуузорной.

* *
 * *

Мы дѣти черной ночи... Онъ мученикъ—скиталець
 Стоитъ предъ нами грозный съ больнымъ, нѣмымъ
 укоромъ...
 Уста безшумно шепчутъ: А праведникъ... страдалецъ
 Крадется въ вашемъ мѣрѣ полночнымъ метеоромъ...

* *
 * *

Пора прійти спасенью!.. Пусть колокольчикъ стонетъ
 Въ степи широкой, вольной и буйно льются пѣсни...
 Скорѣе въ путь-дорогу. Она тоску разгонитъ...
 О, Русь моя родная! О, Русь! Пора! Воскресни!..

Студ. С. Голованенко.

V.

Привѣтствіе Обществу Любителей Россійской Словесности отъ студентовъ Моск. Дух. Академіи по случаю открытія памятника Гоголю, составленное и прочитанное студ. А. Сперанскимъ.

Въ эти дни, посвященные свѣтлой памяти Пророка-Обличителя пустой и тусклой дѣйствительности, студенты Московской Духовной Академіи горячо привѣтствуютъ Общество

Любителей Россійской Словесности, особенно потрудившееся для ознаменованія величайшаго торжества русской литературы и жизни.

Яркій образъ истомленнаго въ непосильной душевной борьбѣ Писателя-Страдальца, съ усмѣшкой, полной яда и слезъ, объединилъ вокругъ себя всю мыслящую, всю грамотную Россію. И не напрасно собралась она почтить одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ, открывшаго ей новую свѣтлую эпоху. Вѣдь если теперь, на сѣренькомъ фонѣ „Мертвыхъ душъ“, все чаще и чаще являются души живыя если, какъ сказочный Фениксъ, воскресаютъ изъ пепла сожженные идеалы безсмертнаго писателя, то величайшая заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Тому, Кто первый поставилъ русское общество лицомъ къ лицу со всей пошлостью будничной жизни. Уже самъ по себѣ труденъ путь борьбы и обличенія, но еще труднѣе становится онъ, когда приходится смѣяться и шутить, уча и карая. Страшная драма разыгрывается тогда въ глубинѣ души, и за каждой язвительной насмѣшкой, за каждой блестящей безобиднаго юмора скрываются тяжкія муки, скрываются горькія слезы...

И склоняясь предъ дивной тѣнью Скорбнаго насмѣшника земли Русской, Студенты Московской Духовной Академіи вмѣстѣ съ тѣмъ благодарно вспоминаютъ тѣ немногіе часы, которые провелъ Николай Васильевичъ Гоголь въ стѣнахъ нашей родной Академіи. Онъ оставилъ тогда намъ завѣтъ свято служить *Общему Хозяину* во имя всеобщаго счастья. Этотъ завѣтъ навсегда сохранится въ нашихъ сердцахъ, зажигая въ нихъ могучую любовь къ свѣту и правдѣ и непримиримую вражду противъ тьмы и порока.
